

Юй Шиянь прекрасно понимал, что Е Юньчу к нему равнодушен, но пропасть в их положении была слишком глубока. Если бы они сошлись, князь Чжэньнань и его супруга костями бы легли, но пресекли эту связь. У Шияня не было ни малейшего желания карабкаться по чужим спинам к вершинам знатности и богатства. В своих мечтах он видел совсем иное: как придет время, он сам выберет себе мужа — мягкого и благородного, словно кусок нефрита. Юноша возьмет на себя заботы о доме, родит ребенка и проведет свои дни в покое и безопасности.

Знакомство с наследником Е было досадной случайностью. Шиянь постоянно твердил себе: нельзя позволять чувствам разрушить тот жизненный уклад, который он себе наметил. Никто не должен стоять у него на пути.

Е Юньчу же, напротив, полагал, что Шиянь позвал его, чтобы ответить согласием на предложение руки и сердца. Он не был слепцом и видел, что юноша к нему тянется. Однако вместо долгожданного «да» он услышал холодный отказ.

Наследник не стал совершать безрассудств или вести себя неподобающе. Он лишь окинул собеседника тяжелым, пронзительным взглядом и негромко произнес:

— Это я люблю тебя. И титулы здесь ни при чем.

Слушая его, Шиянь лишь горько усмехнулся про себя. В его глазах Е Юньчу всё еще оставался безнадежно наивным юнцом. Не желая продолжать спор, он опустил ресницы.

— Если наследнику Е больше нечего сказать, я, пожалуй, пойду.

Столь явное нежелание даже выслушать его привело Юньчу в ярость. Да, между ними была разница в положении, и он знал об этом с самого первого дня. Но теперь, когда он выразил свою решимость и готовность бороться, юноша даже слушать его не желал, стремясь лишь поскорее сбежать.

Е Юньчу резко схватил Шияня за запястье:

— Что это значит? Мы можем нормально поговорить. Если ты боишься гнева моих отца и матери, я сам с ними объяснюсь. Не смей вечно убегать, едва возникнет трудность. Побегом проблем не решить! — Гнев затуманил рассудок наследника, и он не рассчитал силы.

Шиянь лишь слегка нахмурился, стойчески терпя боль в руке.

Заметив перемену в лице юноши, Юньчу тут же разжал пальцы. На его лице отразилось смятение.

— Прости, Сяо Янь, я не хотел... Тебе больно?

— Наследник Е, теперь я могу идти?

Юньчу хотел что-то добавить, но Шиянь, не оборачиваясь, поспешил прочь.

В его душе тоже кипела обида. Наследник Е ничего не смыслил в этой жизни, а смел попрекать его трусостью и склонностью к побегам. Он не убегал — он просто не верил.

Он был лишь сыном наложницы из поместья хоу, где его и так недолюбливали. Его папа был простым фуланом, пробравшимся в постель господина, — об этом прошлом судачила вся столица. А Е Юньчу был наследником знатного рода, пределом мечтаний для всех гэ'эров Шэнцзиня.

Вернувшись в свои покои, Шиянь с головой накрылся одеялом, стараясь заглушить тоскливые мысли.

***

— Молодой господин, вы велели мне караулить у черного входа, когда вернется третий молодой господин. Так вот, я его видел. Его не было около получаса, а когда он вернулся, глаза у него были на мокром месте, а запястье — красное-красное, — Цзинь Юнь вбежал во дворик, спеша доложить новости Юй Ланьи.

«Неужто Шиянь и Е Юньчу поссорились?» — Ланьи вдруг почувствовал небывалый прилив бодрости.

Все эти разговоры о любви — чепуха, если дело кончается слезами и обидами.

Юноша презрительно скривил губы. Неужели Е Юньчу поднял на него руку? Иначе откуда на запястье след? Настоящая низость. Впрочем, если подумать, Чжэн Шаньцы не казался человеком, способным на подобное.

На всякий случай Ланьи решил всегда держать при себе кинжал. Если Шаньцы вздумает распускать руки, придется пустить оружие в ход.

— Молодой господин, ваше свадебное одеяние... — Цзинь Юнь замялся.

Ланьи работал над ним из рук вон плохо, то бросая, то снова принимаясь за шитье. В итоге не был готов даже рукав. К счастью, фулан Юй давно подготовил наряд, сшитый умелыми швеями.

— Пустяки. Скажи лучше, что за место этот Синьфэн? Я ведь за всю жизнь ни разу не покидал столицу, — Лань с живым интересом уставился на слугу.

— Об этом лучше расспросить старшего молодого господина. Он у нас самый ученый.

Любопытство юноши разгоралось. Раз уж ничего не изменить, нужно хотя бы хорошенько всё распланировать.

Прежде всего — золото и серебро, и чем больше, тем лучше. Еще он привык к своей постели — значит, нужно забрать её с собой. И тот шелковый полог. И любимый стол... В идеале он бы перевез с собой всё поместье.

При мысли о разлуке с братом, отцом и папой на сердце у Лань внезапно стало тяжело. Раньше он и не думал, что так привязан к дому, но теперь, когда час отъезда был близок, он осознал, как ему будет не хватать родных.

«Всё из-за этого никчемного Чжэн Шаньцы. Почему он не мог остаться в столице? Какая-то мелкая сошка, уездный начальник...»

Лань снова охватила ярость.

***

Чжэн Шаньцы тоже времени зря не терял. Его навыки рыболова росли не по дням, а по часам, и улов разбирали в мгновение ока. Как-то он прослышал, что в Высшее Училище прибывает великий ученый, и в Тайсюэ позволят войти всем желающим.

— Чиновник Юэ долгое время служил в провинциях, пока не получил назначение в столицу. Сейчас он отошел от дел, но в местах, которыми он управлял, народ до сих пор его боготворит. У него множество учеников по всей стране, хотя личных последователей — всего несколько человек. Многие книжники гордятся тем, что посетили хоть одно его занятие, и почитают его за наставника.

— Поспешим! Опоздаем — и из-за толпы даже лица чиновника Юэ не увидим.

Шаньцы решил, что раз ему предстоит работа «на земле», опыт такого человека будет неоценим. Он последовал за толпой в Высшее Училище. Народу там было — яблоку негде упасть.

Сцена напоминала Шаньцы современные лекции. Перед ним колыхалось море голов, он стоял с самого края, и слова оратора долетали до него обрывками.

Мужчина сосредоточился, и голос чиновника Юэ зазвучал яснее.

— Управление краем зиждется на сельском хозяйстве и просвещении... Когда житницы полны, народ познает этикет; когда еды и одежды вдоволь, народ познает честь и бесчестие. Местный чиновник должен прежде всего явить твердость, подобную удару грома, дабы внушить трепет. Только тогда к его словам станут прислушиваться... Больше всего хлопот доставляют сельские дворяне и местная знать. Здесь я советую следовать правилу: разделяй и властвуй. Приблизь одного, придави другого, но всегда храни баланс, заставляя их соревноваться за твою благосклонность...

Шаньцы старательно запоминал каждое слово. Лекция оказалась невероятно полезной.

Когда чиновник Юэ закончил и направился к выходу, Шаньцы почтительно поклонился ему вслед.

Пока другие книжники толпились, пытаясь протиснуться поближе к учителю, Шаньцы уже покинул Тайсюэ. На душе у него было светло и спокойно. Раз уж волею судеб он стал начальником Синьфэна, он сделает всё, чтобы жизнь простых людей стала лучше.

Вернувшись, он принялся восстанавливать в памяти сюжет оригинального романа. Е Юньчу станет героем империи — вместе с Юй Шиянем они остановят распространение чумы, за что император Умин осыплет их милостями. Затем наследник Е отправится послом к варварам, чтобы укрепить величие династии Янь.

Шаньцы записал ключевые даты, но, к сожалению, многие подробности за давностью лет стерлись из памяти. С сожалением он отложил кисть.

Дни до свадьбы пролетели как один миг. Чжэн Шаньцы облачился в свадебный наряд. Юй Чансин, желая придать зятю солидности, прислал ему статную белую лошадь. В Академии учили не только книжной премудрости, но и «шести искусствам», среди которых была и езда верхом.

По обычаю, жених и невеста не должны были видеться несколько дней перед торжеством. Накануне свадьбы Шаньцы одолело волнение — он никогда раньше не женился, тем более на мужчине.

Сон не шел. Это не было страстью — скорее, странное беспокойство.

«Почему-то я то и дело вспоминаю тот день, когда Юй Лань бросил в меня серебро, — Шаньцы поворочался с боку на бок. — Помнились его глаза, в которых плясали искорки гнева, и всё его лицо — яркое, живое, неописуемо красивое»

На следующее утро, когда он вышел за порог, его дом уже окружила толпа. От обилия людей у

него пошла кругом голова. В этом тихом переулке никогда не бывало так шумно — поместье хоу выдавало гэ'эра замуж, и вся округа сбежалась поглазеть.

— Жених вышел! До чего же хорош!

— Да это же Чжэн Шаньцы, я его и не узнал сразу.

Увидев белую лошадь, украшенную красными лентами, Шаньцы уверенно вскочил в седло. Движения его были четкими и отточенными.

В толпе кто-то восторженно охнул.

Шаньцы натянул поводья, глубоко вздохнул и направил коня к воротам поместья хоу Чаняна.

<http://bllate.org/book/15809/1423735>